

dfhgakshdgk dgae gkla

chernov_ik_rx25

18+

dfhgakshdggk dgaehgkla chernov_ik_rx25

Текст предоставлен издательством «АСТ»

<https://litres.ru/73470604>

Черновик: SelfPub; Москва; 2006

ISBN 5-17-033151-2, 5-9713-0250-7, 5-9578-2740-1

Аннотация

o;jjjasdouhfoweuhdosdk idnvijdsnjds dcilsdc idf lsdjf sodij lowid
jdsaacnldsladsj i;eowu jroiew uroewf94783oru y9438f9845umrt
9843muf9ep8ruf

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Глава 1

Бывают дни, когда все не ладится. Нога с кровати опускается не в тапочек, а на спину любимой собаки, с перепугу цапающей тебя за щиколотку, кофе льется мимо чашки – и прямо на свежую рубашку, дойдя до метро, обнаруживаешь, что позабыл дома документы и деньги, а возвратившись домой, понимаешь – ты их не забыл, а потерял. Вместе с ключами. Но случается и наоборот. Встаешь бодрым и с приятными воспоминаниями о приснившемся сне, вчерашний насморк за ночь прошел бесследно, яйца удается сварить «в мешочек», подруга, с которой разругался накануне, звонит сама и просит ее простить, троллейбусы и автобусы подкатывают, едва ты подходишь к остановке, начальник вызывает к себе и сообщает, что решил поднять тебе зарплату и выплатить премию. Но случается и наоборот. Встаешь бодрым и с приятными воспоминаниями о приснившемся сне, вчерашний насморк за ночь прошел бесследно, яйца удается сварить «в мешочек», подруга, с которой разругался накануне, звонит сама и просит ее простить, троллейбусы и автобусы подкатывают, едва ты подходишь к остановке, начальник вызывает к себе и сообщает, что решил поднять тебе зарплату и выплатить премию. Таких дней я опасаясь больше. Все-таки правы были древние – нельзя гневить судьбу излишней удачливостью. Царь Поликрат не зря выбросил кольцо в мо-

ре – вот только когда море отвергло жертву, царю стоило бы отрезать себе палец, авось не прирастет. Если ты не прирожденный счастливчик, идущий по жизни легкой походкой бездельника, – бойся счастливых дней! Жизнь не зря походит на полосатую тюремную робу. Случилась беда, значит – завтра придет удача. Обычно эта мысль меня успокаивает. Но только не сегодня. Я стоял перед дверью своей квартиры. Дверь как дверь. Железная в силу нынешних криминальных времен, дешевая по причине отсутствия богатого дядюшки в Америке. Вот только дверь была приоткрыта. Что это значит, объяснять вряд ли требуется. Склерозом я пока не страдаю, ключи Аня презрительно швырнула на пол неделю назад перед уходом. Был запасной комплект у родителей – не для инспекций, разумеется, а на тот случай, если я ухитрюсь потерять свои. Но вот беда, родители неделю как отдыхают в Турции и навеститься в гости никак не могут. Я стоял и думал о Кешью. Почему моего скай-терьера зовут Кешью, надо спрашивать у заводчицы. Может быть, она любит эти орехи. А может быть, просто не знает, что такое кешью. Я спросить постеснялся. Что сделает вор, обнаружив в квартире мелкого, но отважного терьера? Хорошо, если только пнет. Конечно, в квартире было кое-что ценное. Ноутбук. Музыкальный центр. Телевизор тоже неплохой, DVD-проигрыватель совсем новый. В конце концов, любой опытный вор обнаружит приклеенную скотчем к задней стенке гардероба заначку – тысячу евро в бумажном конверте. Но думал я только о

Кешью. И простоял бы, наверное, еще несколько минут, не решаясь распахнуть дверь, не раздайся из квартиры легкий металлический звон. Вор еще был в квартире! Богатырским сложением или геройским нравом я никогда не отличался. Все знакомство с единоборствами заключалось в вялом полугодовом хождении на курсы каратэ в нежном тинейджерском возрасте, а весь боевой опыт – в нескольких потасовках примерно в то же самое время. Но в квартиру я ворвался с энтузиазмом Брюса Ли, которому наступили на любимое кимоно. Вам когда-нибудь доводилось чувствовать себя полным идиотом? Я стоял в тесной полутемной прихожей своей однокомнатной квартиры. Вот только квартира выглядела чужой. Вместо аккуратно прикрученных к стене крючков, с которых одиноко свисала неубранная с весны куртка, обнаружилась разлапистая деревянная вешалка с бежевым плащиком и зонтом-тростью. На полу лежал коврик веселенькой раскраски. На кухне, насколько я мог видеть, тоже все было не так... к примеру – исчез куда-то холодильник. Зато на его месте стояла с кастрюлей в руках молодая некрасивая девица в халатике. При виде меня она громко завизжала и выронила кастрюлю. – Попалась, лахудра! – закричал я. Что такое лахудра? Откуда слово-то выскочило? Сам не знаю. – Что вы себе позволяете! – завопила в ответ девушка. – Убирайтесь! Я вызову милицию! Учитывая, что телефон висел у самых дверей, обещание ее было не просто наглым, но еще и опрометчивым. Я заглянул в комнату – сообщников деви-

цы там не наблюдалось. Зато имелся Кешью, стоящий на диване – не моем диване! И Кешью громко лаял: живой, здоровый, совершенно невредимый. Это ж надо – вынесли всю мебель! Сколько меня не было дома – пять часов, шесть? Но вынести-то вынесли, а зачем принесли другую... – Милиция? – спросил я. – Будет вам милиция. Я снял трубку и набрал ноль-один. Девушка прекратила визжать и молча смотрела на меня. Кешью лаял. – Пожарная охрана слушает, – раздалось в трубке. Я нажал на рычаг и набрал ноль-два. Ничего, со всяким бывает. Не каждый день тебя обворовывают, да еще и так затейливо. – Милиция? Ограбление, – быстро сказал я. – Приезжайте быстрее. Студеный проезд... – Вы что, больной? – спросила девушка. Кажется, она успокоилась. – Или напились? – Напился, обкурился, обкололся, – злорадно подтвердил я, вешая трубку. – Конечно-конечно. – Кирилл? – раздалось из-за спины. Я обернулся, с радостью обнаружив на лестничной клетке соседку. Вздорная старая женщина по имени Галина, любительница сплетен и ненавистница соседей. Но сейчас, в преддверии новой темы для разговоров, лицо ее выражало неподдельное любопытство и дружелюбие. – Посмотрите, Галина, что творится, – сказал я. – Пришел и обнаружил дома воровку! На лице соседки отразился восторг в смеси с легкой опаской. – Так, может, милицию вызвать, Кириллушка? – Я уже вызвал, – успокоил я ее. – Будете свидетелем? Соседка закивала и изобразила что-то вроде легкого замаха в сторону девицы: – У, лахудра

драная! У меня на рынке в прошлом году такая кошелек из сумки украла! – Да вы с ума посходили, – спокойно сказала девица. Достала пачку сигарет, закурила. В комнате продолжал лаять отважный Кешью. – Кешью, заткнись! – рявкнула девица, и пес немедленно замолчал. Я оторопел. Соседка насторожилась и покосилась на девицу. Мою собаку она ненавидела, как и любое живое существо в доме. Но... – Подружка твоя? – Что? Эта? – Я поперхнулся от досады. Понятно, в ее глазах любой молодой мужчина – кобель, а если он еще и неженатый – так, значит, смесь Казановы с Калигулой. Но заподозрить меня в том, что я привел домой это бесцветное существо с рыжими волосенками и конопушками по всему лицу... – Первый раз ее вижу! – Это я вас первый раз вижу! – совершенно излишне возразила девушка. – Не знаю, чего вы добиваетесь, но лучше бы убрались из моей квартиры... – Кирилл здесь четвертый год живет, – сразу же встала на мою защиту соседка. В этот миг я готов был признать, что старая сплетница заслуживает уважения. – Родители у него люди богатые, купили сыночку квартиру, ремонт сделали. Другие всю жизнь по углам маются, а он с молодости при жилье... Нет, наверное, я погорячился насчет соседки. Какое ее собачье дело, кто купил мне квартиру? Ей-то самой трехкомнатная досталась в стародавние времена от государства непонятно за какие заслуги на ниве работ в Госплане... – Вы с ума сошли, – сказала девица. – Или все – одна шайка. Галина всплеснула руками. И бросилась звонить в соседнюю

дверь. Мы с девицей остались мерить друг друга злобными и подозрительными взглядами. Словно по уговору ни она, ни я не трогались с места. Только девица курила – уже вторую сигарету, а я крутил на пальце кольцо с ключами. – Мамы дома нет, – отвечала Галине из-за приоткрытой двери соседская девочка. – А папа спит после работы... – Разбуди папу, тут у нас соседа грабят! – радостно сказала старуха. Девочка выглянула, пискнула мне: «Здрассте» и скрылась в квартире, не забыв захлопнуть дверь. Галина тут же прокомментировала: – Знаем мы эту работу. Нажрался как свинья, отсыпается... Дверь снова открылась. Вышел сосед – в трусах, майке и босиком. Ему лет под сорок, но мужик он здоровый и, похоже, не прочь сейчас кому-нибудь засветить кулачищем в глаз. – Здрассте, Петр Алексеич! – выпалила соседка. – А у нас тут беспредел! Грабят мальчика нашего среди бела дня! – Вечер уже, – отстраняя соседку, сказал Петр. Подошел, глянул через плечо. Спросил: – Помощь нужна? – Сейчас милиция приедет. Сосед кивнул. С грустью произнес: – Жаль, что девка. Мужику бы сейчас дали в репу. Для начала. Девица побледнела. – А может, стоит все-таки дать? – вслух размышлял Петр. Но тут загудел лифт, и сосед замолчал. Через несколько секунд на площадку вывалились трое милиционеров. Двое – с автоматами. Обнаружив, что стрелять пока не в кого, они замерли будто почетный караул. Третий – видимо, старший, – спросил у меня: – Кто вызывал милицию? – Я. – Ваша квартира? – кивая на дверь, спросил старший. – Да. Де-

вица внутри истерически засмеялась. – Его-его, – подтвердила Галина. – Мы соседи. И свидетели! – Старший сержант Давыдов. Предъявите документы, – велел милиционер, не делая пока попыток пройти в квартиру. – Всех касается! Соседи нырнули в свои квартиры. Даже неспешный Петр Алексеевич обрел некоторую торопливость. Я достал паспорт и протянул милиционеру, сбивчиво объясняя: – Вернулся с работы, дверь открыта... За собаку испугался, эти ж сволочи и прибить пса могут... – Собаку надо держать такую, чтобы при ее гавке преступник мочился в штаны, – изучая паспорт, сказал милиционер. Покосился на девуцу. – Или мимо юбки... Так. Кирилл Данилович Максимов. Прописан в городе Москве, Студеный проезд, дом тридцать семь, квартира восемнадцать... Так. Что ж, все ясно. Вышли соседи с паспортами. – Будете понятыми, – сообщил им Давыдов. – Входим в квартиру? – Входим, – злорадно сказал я. – Представляете, вынесли мебель, вместо нее свою притащили... – Захват жилого помещения, – вставил один из ментов с автоматом. – Выводы оставь судьям, – оборвал его старший сержант. Мы вошли в квартиру. Кешью опять залаял. Давыдов посмотрел на него и покачал головой. После чего вполне вежливо поинтересовался: – Ваши документы. – Они в сумочке. На вешалке, – кивнула девушка. – Достаньте. Девушка достала из сумочки документы. На меня она теперь смотрела как-то очень странно. С минуту старший сержант изучал ее паспорт. Потом прошел к окну и еще минуту разглядывал паспорт при

остатках дневного света. Присвистнул и посмотрел на меня с загадочной улыбкой: – Вот так третья улица Строителей, гражданин Максимов... То, что он назвал меня гражданином, мне не понравилось. И вполне обоснованно. Звали девицу Натальей, фамилия – Иванова. Двадцать один год, на пять лет моложе меня. Прописана она была в моей квартире. Сейчас мы сидели на кухне за столом – я, Наталья и старший сержант. Некоторое время Давыдов изучал паспорта, потом спросил: – И друг друга вы не знаете? Я даже не стал отвечать. Девица – тоже. – Кто здесь проживает? – поинтересовался старший сержант у соседей. – Он! – воскликнула Галина. – Он тут живет! Три года как живет. Все-таки что-то человеческое в ней есть. – Кирилл, – подтвердил Петр Алексеевич. – Не сомневайтесь. А эту... первый раз вижу. Старший сержант посмотрел на Наталью и укоризненно спросил: – И зачем это вам, гражданка? Подделка паспорта, воровство... – Выводы оставьте судьям, – огрызнулась девица. – Я здесь живу! Три года, как квартиру купила. А этих... – неопределенный кивок то ли в мою сторону, то ли в сторону соседей, – первый раз вижу! Это же шайка, ну как вы не понимаете! Я слушал ее – а сам смотрел на кафель. Обычная полоска кафеля над плитой и умывальником, «фартук». У меня был красивый бордовый кафель, в принципе – очень дорогой, но купленный задешево, как остатки. Сколько там нужно было этого кафеля, два квадратных метра... У Натальи кафель был попроще. Голубенький. Да, за день можно вынести из

квартиры всю мебель. И если уж на то пошло, даже переклеить обои. Но сколоть старый кафель и положить новый? Да еще так аккуратно? Или все-таки можно? Я посмотрел на пол. Линолеум. Не тот, что у меня. Другой. – Это ваша квартира? – спросил Давыдов. – Вы здесь живете? – Не знаю... – Как это – не знаете? – Он даже растерялся. – Вы же... – Я здесь живу. Это мои соседи. – Я кивнул на понятых. – Но... тут все совершенно изменилось. Мебель другая. Линолеум на полу... у меня посветлее был и мягкий такой, на подкладке... Наталья фыркнула. – Кафель на стенах другой... – чувствуя, что шансы получить поддержку в милиции падают, закончил я. – Кафель? – заинтересовался старший сержант. – Кафель другой? Он подошел к стене. Поковырял ногтем шов. Пожал плечами. Спросил у другого милиционера: – Ты же вроде на стройке работал? Можно за один день кафель на стене сменить? Мент поколебался: – Теоретически оно все можно. Хороший клей, быстросохнущая затирочка... А практически – нет. – Пройдемте в ванную, – решил Давыдов. В ванной комнате сушилось белье. Женское. Наталья засуетилась, срывая с веревочек трусики и лифчики. – Ваша ванная комната? – спросил Давыдов. – Кафель ваш? Дался ему этот кафель... Но я понимал, к чему он клонит. Сменить два метра кафеля – дело одно. А вот в ванной комнате ремонт сделать... – Вроде мой, – печально сказал я. – Тот, который и был, я не менял. – Приметы какие-нибудь? Скол на ванне, плитка треснувшая? Я честно пытался вспомнить. Мне

очень хотелось найти в этой квартире хоть что-нибудь свое. – На смесителе царапины были, я его в некондиции брал, – признался я. – Но тут другой смеситель, старый. – Какой еще старый? – возмутилась Наталья. – Я смеситель не меняла, какой стоял, такой и стоит! У старшего сержанта пискнула рация. Он буркнул что-то в микрофон. Задумчиво потрогал смеситель. Произнес: – Значит, так. У кого есть документы на квартиру? – У меня! – откликнулась Наталья. – Сейчас... Она убежала в комнату. – У меня тоже были, – безнадежно сказал я. – В письменном столе. Только его нет в комнате, я заглядывал. Стола, в смысле, нет. – Такие документы надо хранить в банковской ячейке, – серьезно сказал старший сержант. И тут я не выдержал, взорвался: – Ты что несешь, страж закона? Какая ячейка! Ну кто я тебе – новый русский, ячейку в банке снимать? Ты сам-то где документы хранишь? Он даже не обиделся – и это вновь меня испугало. – Под матрасом... Остыньте, Кирилл Данилович, наговорите лишнего – придется вас задержать. Вернулась Наталья. С документами на квартиру – бланки о квартплате, квитанции за электричество, свидетельство о покупке квартиры... Я молчал. Старший сержант просмотрел документы, вернул их и сказал: – Что ж, господа и дамы, не вижу возможности вам помочь. Вам, Кирилл Данилович, следует обратиться в суд. Если квартира действительно ваша... – То есть как это действительно? – воскликнул я. Давыдов поморщился и продолжил: – ...то копии документов хранятся у нотариуса, в орга-

нах регистрации актов купли-продажи жилья, в дэзе, наконец. Подменить все эти документы... – он замялся, – ну, наверное, возможно, но настолько сложно и дорого, что овчинка выделки не стоит. Не будет никто из-за однокомнатной в панельном доме на окраине такие дела воротить! Наталья хмыкнула – так торжествующе, что стало ясно: она уверена в наличии документов. И в дэзе, и у нотариуса... – Вам же, гражданка Иванова, если вы здесь проживаете, я бы посоветовал завести хоть какие-то отношения с соседями. Кто может подтвердить, что вы тут живете? Подруги, родственники? – Родственники в Пскове живут, ко мне не приезжали, – отпарировала Наталья. – С подругами я в парке гуляю и в кино хожу, а не пью в квартире, как мужики. А с соседями такими, стыд пропившими... – она гневно посмотрела на соседей, – знаться не собираюсь. – Тихо-тихо. – Движением руки Давыдов притормозил шагнувшего к Наталье Петра Алексеевича. – Ситуация сложная, но правда всегда восторжествует. Давайте покинем квартиру гражданки... Я понял, что проиграл. И сказать мне было нечего. Хотя... – Кешью я тебе не оставлю, сука! – подхватывая вертящегося у ног Натальи скай-терьера, сказал я. – А-а! Кешью цапнул меня за палец, вывернулся, упал на пол и принялся лаять. На меня. – Ты мне только покалечь собаку, сволочь! – взвизгнула Наталья. – Кешью, маленький... – Пусть документы на собаку представит! – крикнул я. – Это мой пес! Кешью сидел на руках у Натальи и возмущенно облаивал меня. Палец болел, но

все-таки скай прихватил его не до крови. – Идемте, Кирилл. – Давыдов похлопал меня по плечу. – Идемте. Собака, похоже, с вами не согласна. – Сейчас покажу документы! – вопила вслед Наталья. – Вот сволочь! Вот для чего ты все задумал, да? Собаку отнять? Едва мы вышли в подъезд – Давыдов то ли подталкивал меня, то ли выпихивал, – дверь за нами с грохотом захлопнулась. Щелкнули замки. Потом брякнула задвижка. – Дела... – с чувством сказал старший сержант. Я посмотрел на соседей. Галина, я наконец-то вспомнил ее отчество – Романовна, смотрела на меня с неподдельным восторгом. Еще бы! Такая тема для разговоров! – Улыбаться будете, когда вернетесь домой из булочной, а в вашей квартире будет жить чужой мужик, – сказал я. Глаза у Галины Романовны округлились. – Ах ты... – завопила она, в панике отступая в свою квартиру. – Знать тебя не знаю! И не жил ты здесь никогда! Давыдов вздохнул: – Зря вы так. Похоже, вам предстоит долгое разбирательство, а вы свидетелей против себя восстанавливаете... – Так вы мне верите? – спросил я. Никогда я милицию не любил. Слишком уж часто беды от ментов больше, чем помощи. Но этот старший сержант мне нравился, он... ну, как сказать, походил на правильного. На нормального милиционера. Такого, каким тот должен быть. Даже то, что он спасовал перед документами Натальи, меня не обидело. – Верю. Не похоже, что вы врете, да и зачем вам врать. И соседям вашим я верю. – Давыдов достал пачку «Явы», предложил мне, я отказался. Давыдов закурил и про-

должил: – Если бы я решал, то одно слово этой сволочной бабки все бумажки бы перевесило. – Да уж, если она вступилась... – буркнул Петр Алексеевич. – Не угостите? Давыдов глянул в пачку. Сказал: – Последнюю менты не забирают... зато угощают. Кури, у меня в машине есть. Похоже, расходиться им не хотелось – настолько ошарашило всех происходящее. – Что же мне делать? – спросил я. – Документов у вас нет? Кроме паспорта? Я покачал головой. – Идите в дэз. Идите по всем конторам, где могут быть бумажки, подтверждающие ваше право на жилье. Без бумажки ты кто? – Букашка, – пробормотал я. – Вот. Хоть сто свидетелей приведи, которые с тобой в квартире водку пили, обои клеили, новоселье обмывали. Но без бумажки ты никто, и ни один суд тебя не защитит. Если знакомые журналюги есть – к ним обратиться. Может, посоветуют чего или статью напишут... – Это раньше к статьям внимание было, – пробормотал Петр Алексеевич. – Сейчас... только подтереться. – С собакой странно, – сказал вдруг Давыдов. – Я все допускаю. И что документы всюду подменили, и что обои переклеили, кафель сменили. Но чтобы собака хозяина не признала? Взрослой брал? – Щенком. В два месяца. – Чушь какая-то. – Давыдов покачал головой. – Значит, другой пес. – Мой! Ну что же я, свою собаку не узнаю? Это для чужого человека они на одно лицо... Рация у Давыдова вновь запищала. – Удачи... – сухо буркнул он, будто решив, что излишне разоткровенничался. Надавил кнопку лифта. – Правда – она все равно дырочку

найдет... – До свидания, – как-то очень неуместно произнес тот мент, что прежде работал строителем. Они погрузились в лифт, цепляясь друг за друга стволами автоматов и как-то совершенно этого не замечая. Вот так и происходят несчастные случаи... – Кирилл, может, зайдешь, сто грамм выпьешь? – спросил Петр Алексеевич. – На тебе лица нет... Я покачал головой: – Напиться-то я сегодня напьюсь, но не сейчас... – Тебе есть где ночевать? – Есть... наверное. Если у родителей теперь не прописаны какие-нибудь таджикские беженцы... Петр не улыбнулся. Я тоже подумал, что ничего смешного в этих словах нет. Пожал ему руку и вызвал лифт. – Если что – всегда скажу, ты здесь жил! – сказал сосед. – И дочка подтвердит, и супруга... Я отметил слово «жил», хотя вряд ли Петр придавал ему какое-то значение.

Глава 2

В квартире родителей таджикских беженцев не обнаружилось. Наглых некрасивых девиц – тоже. Я достал из холодильника пакет замороженных сосисок, пока они варились – полил цветы. Цветочкам повезло, я хоть и обещал заезжать, но все ленился... Может быть, цветы во всем виноваты? Они обладают коллективным растительным разумом и древней магией... Хихикнув, я пошел есть сосиски. Как ни странно, но настроение у меня почему-то не упало окончательно, а, напротив, улучшалось с каждой минутой. Отобрали квартиру? А вот хрен! Никто ее не отберет. Найдутся «бумажки», найдутся свидетели, найдутся и нужные люди в прокуратуре, чтобы «взять дело на контроль». В конце концов, отец у меня всю жизнь отработал гинекологом, очень даже неплохим, и сколько через него прошло женщин-судей и судейских жен... Помогут. В нашей стране прав не тот, на чьей стороне правда, а тот, у кого друзей больше. А у меня и дело правое, и связи найдутся. Зато будет, что потом вспомнить! Успокаивая себя этими мыслями, я достал из холодильника бутылку водки, выпил под сосиски сто граммов и спрятал обратно. Напиваться в одиночку в мои планы не входило, а вот посоветоваться с умным человеком за бутылкой, снять стресс – это будет очень даже к месту. Прихватив телефон, я завалился на диван. К кому бы напроситься или

лучше кого позвать к себе? Такого, чтобы разговор не выродился в пьяный треп ни о чем... И тут телефон зазвонил сам. – Алло? – настороженно спросил я. Не дай Бог, родители вздумали позвонить мне домой и наткнулись на эту... лахудру... – Кирилл? – раздался жизнерадостный голос. – Во, нашел я тебя. Мобильник отключен, у тебя дома Анька рычит, что ты там больше не живешь... ты что, совсем спятил, квартиру ей отдал и сам ушел? – Анька? – доставая трубку, спросил я. Блин. Мобильник, оказывается, сел. А зарядка оставалась в квартире... – Ну а кто? Баба какая-то... Все женщины в мире делились для Коти на «баб» и «даму». Бабы – это все лица женского пола. Дама – это та баба, в которую он в данный момент влюблен. – Котя, ты не тараторь, – попросил я. – Тут такие дела, что мне твой совет нужен... – А мне – твой! – радостно сказал Котя. К кошачьим он был совершенно равнодушен, но свое паспортное имя Константин почему-то не любил и с детства с удовольствием откликался на Котю или Котенка. Обычно такие прозвища прилипают к здоровенным неторопливым мужикам, относящимся к ним с иронией. Котя же был невысоким, щуплым и подвижным до суетливости. Не Квазимодо, но и не Аполлон, Котя, однако, обладал изрядным обаянием. Многие писанные красавцы, пытавшиеся закадрить с ним на пару девиц, с удивлением убеждались, что самая симпатичная неизменно предпочитала Котю. «Можно просто – Котенок», – с улыбкой говорил он при знакомстве, и это почему-то не выглядело ни манерным,

ни фальшивым. – Приезжай, – сказал я. – К родителям, адрес еще помнишь? – Помню. – Котя поскуучнел. – Слушай, я горю, мне статью надо добить. Еще на два часа работы. Приезжай ты, а? – А твоя дама против не будет? – спросил я. – Все бабы – сволочи, – печально сказал Котя. Понятно. Очередная дама перешла в категорию баб, не сумев окольцевать моего слишком подвижного друга. А новой еще не появилось. – Приеду, – вздохнул я. – Хотя отрываться от дивана... – У меня коньячок есть хороший, – затараторил Котя. – Веский довод, а? – Да хрен с ним, с твоим коньяком... – вздохнул я. – Ладно, сейчас приеду. Что прихватить? – Ну ты же у нас умный, – ответил Котя. – Все что угодно, кроме баб! Вот так и получилось, что, лишившись квартиры, я отправился пьянствовать с другом. Нормальный русский вариант развития событий, странно было бы ожидать чего-то другого. Котя жил в просторной двухкомнатной квартире в старом сталинском доме на северо-западе. Временами в квартире было чисто и прибрано, но сейчас, в отсутствие дамы, жильё постепенно превращалось в свойственный Коте безалаберный бардак. Судя по пыли на подоконниках и невымытой плите, с очередной пассией Котя расстался не меньше недели назад. При моем появлении Котя оторвался от компьютера, выставил на стол бутылку коньяка – и впрямь приличный пятилетний «Арарат», – довольно потер руки. Сказал: – Теперь пойдет. А то без ста грамм рассказ не осилю, а в одиночку не пью. Это была его обычная присказка. Без ста грамм он

не был готов осилить уход очередной дамы, дописать рассказ или выдать мудрый совет. В одиночку, впрочем, он действительно никогда не пил. Мы разлили коньяк по рюмкам. Котя задумчиво посмотрел на меня. В голове крутились десятки вопросов, но задал я самый нелепый: – Котя, а что такое «лахудра»? – Это и есть то, что ты хотел у меня узнать? – Котя поправил очки. Близорукость у него была очень умеренная, но кто-то его убедил, что очки ему идут. В принципе они и шли, к тому же в очках Котя выглядел совершенно типичным умным еврейским мальчиком, работающим «где-то в сфере культуры». То есть самим собой. – Лакудра, наивный друг мой, это проститутка самого низкого пошиба. Вокзальная, плечевая... – Плечевая? – Ну, которая с водителями-дальнобойщиками... – Котя поморщился. – И скажу я тебе по совести, что в каждой бабе сидит эта самая лакудра... – За это пить не буду, – предупредил я. – Тогда просто за баб. Мы выпили. – Если ты с горя решил проститутку вызвать... – начал Котя. – Нет. Ты-то что хотел спросить? – Слушай, у тебя же папаня – гинеколог? – Угу. – Какие есть венерические заболевания? Экзотические? – Затрудняешься в диагнозе? – не удержался я. – СПИД, сифилис... – Все старо... – вздохнул Котя. – Я тут для одной газетки письмо пишу, исповедь мужика, который вел разгульную половую жизнь и в результате пострадал... Ну не сифилисом же он заразился! И не СПИДом... Старо все это и скучно... – Ты что-нибудь из личного опыта вставь... – ехидно сказал я. –

Не знаю, старик. Дома мог какую-нибудь книжку глянуть, а на память... я-то сам не врач. Котя зарабатывал на жизнь довольно оригинальным методом – он писал рассказы для «желтой» прессы. Якобы документальные. Всякие там исповеди матерей, согрешивших с сыновьями, терзания голубых, влюбившихся в мужика с нормальной ориентацией, записки зоофилов, восплававших страстью к дикобразам, признания несовершеннолетних девочек, которых соблазнил сосед или учитель. Все это дерьмо он гнал километрами в тот период, когда его бросала очередная подруга. Когда же половая жизнь Коти налаживалась, он переходил на сенсационные материалы о летающих тарелках, духах и привидениях, личной жизни знаменитостей, масонских заговорах, еврейских кознях и коммунистических тайнах. Ему было в принципе все равно, что писать, существовало лишь два периода – о сексе и не о сексе. – Ладно, – поморщился Котя. – Пусть будет СПИД... в конце концов... Я подошел к компьютеру, посмотрел на экран. Покачал головой: – Котя, ты хоть сам понимаешь, чего пишешь? – А? – насторожился Котя. – Ну что это за фраза? «Хотя ей было всего шестнадцать, развита она была как семнадцатилетняя»? – Чем плохо? – насутился Котя. – Ты хочешь сказать, что шестнадцатилетнюю девчонку можно от семнадцатилетней отличить? По степени развитости? Котя промычал что-то невнятное. Потом изрек: – Замени там «семнадцатилетняя» на «двадцатилетняя». – Сам заменишь. – Я вернулся к столу. – Ну сколько можно эту

чушь писать? Ну сочини эротический роман, что ли. Большой, серьезный. Все-таки литература. Может, «нобелевку» получишь или «букер». Котя вдруг опустил глаза, и я с удивлением понял, что попал в точку. Сочиняет он что-то такое... серьезное. Или собирается. В принципе Коте достаточно было хорошим языком описать свою жизнь, чтобы получилось вполне занятное чтение о нравах московской богемной и около нее молодежи. Но это я говорить уже не стал, решив, что на сегодня лимит дружеских подколов выбран. – У меня беда, Котя, – сказал я. И сам удивился, как легко это прозвучало. Правдиво. – Случилась какая-то сумасшедшая история... Слова полились сами собой. За рассказом мы почти допили коньяк, Котя несколько раз снял и протер очки, под конец вообще убрал их на телевизор. Пару раз он что-то уточнял, один раз все-таки не выдержал и спросил: «А ты не гонишь?» Когда я закончил, был уже двенадцатый час. – Ну ты и попал, – произнес Котя тоном врача, выносящего предварительный, но весьма нерадостный диагноз. – Никаких документов? – Никаких. – Ты... точно там паспорт не терял... документов? Может, тайком квартиру перепродали, эту стерву вселили... – Котя! Она утверждает, что живет там три года! И по документам – три года! Котя кивнул и сказал: – С первого взгляда – похоже на обычное квартирное кидалово. Но... за один день сменить обои, кафель... что там еще? – Линолеум... – Ага. А также перекрутить смесители, вытащить мебель, поставить новую... и еще создать об-

житую обстановку, тапочки там раскидать, лифчики развесить... Кирилл, единственная разумная версия – ты врешь. – Спасибо. – Подожди. Я же говорю – разумная версия! Теперь – неразумные. Первая – ты сошел с ума. Или ушел в запой. Квартиру продал неделю назад, когда тебя Анька бросила, и забыл про это. – А еще я подделал документы, чтобы квартира казалась проданной три года назад! – Давай для начала убедимся, что еще вчера все было в порядке. Кто-нибудь у тебя в гостях был? – Нет. – Я покачал головой. – Постой, был! Игорек вечером забежал. Выпросил диск один посмотреть. – Какой диск? – Не эротический, – вновь не удержался я. – Мульттики японские. – А какой Игорек? – Да не помню я его фамилию, Игорек и Игорек... пацан такой шустрый, у нас в фирме работал, потом к врагам ушел... да знаешь ты его! Он тебе компьютер собирал и ставил! – Это который все от армии косит? – усмехнулся Котя. – Помню. Номер его есть? – У меня телефон сел. – У тебя же «Нокиа»? Возьми мою зарядку, они все стандартные. Счет на электричество я тебе потом выставлю. – Котя хихикнул. Я достал трубку, подключил зарядник – и в самом деле удобно, что на разных моделях один и тот же разъем, – порылся в записной книжке. – Вот. Ну и что? – Набирай. Котя забрал у меня трубку, опасно откинулся на табуретке – впрочем, у него все было схвачено, спиной он оперся о стену. И тут же бодро воскликнул: – Игорек? Привет, дорогой. Это Котя. Которому ты год назад компьютер ставил. Друг Кирилла. Он подмигнул мне,

и я стал откупоривать принесенную с собой бутылку. – Да, конечно, поздно. Извини. Но очень важный и неотложный вопрос. Ты вчера был у Кирилла? Какая еще «Служба доставки Кики»? Нет, не интересуюсь. У меня другой вопрос – он по-прежнему живет в Медведково? Все там же? Не был раньше? Однушка у него, верно? Однокомнатная, говорю! Ага. Разгрома в квартире не было, ремонта, следов переезда? Ну надо, очень надо! Ага. А пес у него есть? Славный пес, говоришь? А он вчера Кирилла не кусал? Нет, почти не пьян. Слушай, Игорек, скажи своей бабе, что если мужики разговаривают, то мешать не надо! Даже если она в постели и тебя ждет... Чего? Котя молча отдал мне трубку. Покачал головой: – Учишь молодежь, учишь... просвещаешь сексуально... все равно баб не воспитывают! Да. Но свидетель, как я понимаю, у тебя есть. Вчера ты еще там жил. И пес твой держал тебя за хозяина, а не за тварь дрожащую. – Котя, я тебе найду еще десяток свидетелей. Ромка Литвинов три дня назад заходил, мы пивка попили. А он у меня часто бывает. Еще кто-то был... Ты пойми, я не спятил. В моей квартире живет чужой человек. И все выглядит так, будто она живет там уже давно. – Говоришь, баба некрасивая? – небрежно спросил Котя. – На даму никак не тянет. – Чего только не сделаешь ради друга, – вздохнул Котя. – Где она работает? – Менту сказала, что продавщицей на Черкизовском рынке... обувью торгует... – Ужас какой, – вздохнул Котя. – Страх и ужас. Давно я не обольщал продавщиц. Но свежие штиблеты

мне не помешают. – Ну ты даешь, – только и сказал я. – Только чем это поможет? – Хотя бы выясню, кто такая. В способности Коти увлечь блеклую моль Наталью Иванову я не сомневался. И никакой жалости к аферистке не испытывал. Но мне этого было мало. – Хорошо. Спасибо. Но что мне еще делать, посоветуй? Может, в прессу обратиться? Котя фыркнул. О прессе он был очень низкого мнения. – Завтра с утра ты на работу не идешь. Ну, звонишь шефу, отпрашиваешься... Двигаешь по маршруту жэк—нотариус... – Давно уже не жэки, а дэзы... – Какая разница? В общем – обходишь все, где могут быть документы о твоём существовании в бывшей квартире. – Скажешь еще раз «бывшей» – получишь в лоб, – мрачно сказал я. – Извини. В будущей. – Котя ловко увернулся от нарочито медленного замаха. – В настоящей, настоящей... В общем, ты все обходишь, не забыв и про телефонный узел. – О, точно, – оживился я. – А потом, когда ты нигде не обнаруживаешь своих документов... – Почему нигде? – Я мигом протрезвел. – Кирилл, судя по размаху аферы, за тебя взялись всерьез. Я не понимаю, кто и зачем, но устраивать в квартире скоростной ремонт и делать фальшивые документы, не изъяв настоящих, – глупо. А твои неведомые враги – не глупцы! Итак, документов ты не находишь. После этого идешь к юристу. Хорошему. Очень хорошему, если деньги есть, а не в рядовую юридическую консультацию. Если денег нет, я могу занять... ну, полштуки точно займу. – Спасибо, – только и сказал я. – Ничего, деньги есть. У меня на карточке

почти штука, да и у родителей... в общем, знаю, где их за-
начки. – Хорошо. Юрист даст тебе мудрые советы. Я тем вре-
менем попробую познакомиться с этой ба... – Котя сделал
над собой усилие и мужественно сказал: – ...дамой. Вряд ли
они ожидают такого хода. – Они? – А что, она похожа на бога
Шиву? Одной парой рук кафель клала, другой – обои клеи-
ла, третьей линолеум стелила? Точно хочу познакомиться с
затейницей... Да! Об удивительном ремонте! Еще ты идешь
в строительную фирму. Хорошую фирму, серьезную. Попы-
тайся выглядеть психом при деньгах. И пытай их насчет того,
можно ли в однокомнатной квартире за восемь часов сделать
ремонт. Вот именно то, что у тебя в квартире изменилось,
и перечисляй. Скажи, что хочешь сделать сюрприз жене...
какой жене, кольца ты не носишь... подруге. Или еще чего
скажи. Нет, с подругой правдоподобнее всего будет. Очень
важно, что они скажут... Котя оживлялся на глазах. И виной
тому явно был не коньяк, а ситуация, в которую я влип. Вот
так всегда в жизни – твои проблемы доставляют развлече-
ние даже самым лучшим друзьям! – Я в прошлом году уни-
таз менял, – рассказывал он. – Так... раскокал по дурости...
Хорошего мастера нашел, непьющего, пожилого. В сантех-
нике ведь как? На всякий случай я неопределенно кивнул.
– Опыт нужно иметь! Опыт – главное, – заявил Котя. – Так
вот старый опытный мастер целый день провозился. С вось-
ми утра и до десяти часов вечера. Я извелся, он сам стра-
дал... у хороших мастеров примета есть – пока унитаз не за-

кончишь ставить, в туалет нельзя ходить. Зато уж потом обновить его по полной программе – их святое право и обязанность... Четырнадцать часов! На один унитаз! А у тебя весь ремонт за восемь... Из кухонного шкафа Котя достал сигареты и пепельницу. Я кивнул, хотя курил так же редко, как и он. Спичек Котя не нашел, мы прикурили от газовой плиты с автоподжигом. – Как ты унитаз-то рассадил? – спросил я. – Говорю же – по дурасти. Знаешь, есть такие китайские хлопушки, маленькие, будто спички. Чиркнул, бросил – она взрывается. Под Новый год дети ими на улице балуются... – Ну? – Я летом с друзьями ходил купаться. Завалилась коробка этих хлопушек, я и стал ими бросать в воду. Они не гасли, а в воде взрывались... прикольно так. Друзья очень веселились. А домой приехал, решил показать... одной дамочке... что эти хлопушки в воде продолжают гореть. Не наливать же ванну? Я бросил одну в унитаз... хорошо, что дверь прикрыл. Грохот – и унитаз на кусочки! Только труба торчит, а края – острым венчиком... – Гидродинамический удар, – сказал я. – Взрыв в жидкой среде в замкнутом пространстве. Думать надо было. Котя не спорил. Вдохнул, затянулся сигаретой. Сказал: – Вот еще что... Очень меня волнует твой пес. Крайне волнует. – И мент то же самое говорил... – Прав был мент. Стены можно перекрасить. Люди могут соврать. Собака не предаст никогда... Некоторое время он молча курил. Потом с удовольствием повторил: – Люди могут обмануть. Собака никогда не предаст... Надо вставить в расска-

зик про зоофила... – Сволочь ты гнусная, – сказал я. – Точно писателем станешь. Из человеческой беды сюжет делаешь! – Не из человеческой беды, а из собственной удачной фразы, – возразил Котя. – Пока все. Буду думать, но больше ничего посоветовать не могу. Расскажи лучше, что у тебя с Анькой? – Да ничего. Ей хочется стабильности, уверенности. В общем – кольца на пальце. – А ты против? Пора и остепениться. Четверть века прожил, а до сих пор болтаешься менеджером в торговой фирме, запчастями к компам торгуешь... Это что – работа? Да это все равно что сказать: «Моя работа в ОТК, презервативы надуваю!» Тебе нужна хорошая работа, верная жена, ребенок какой-нибудь заваливающий... Я вытаращил глаза. – Да шучу, шучу, – пробормотал Котя. – Не мне тебя учить. А все-таки жаль, что ты с Анькой расстался, она мне нравилась. Кажется, он не шутил. Я подумал и плеснул коньяк по рюмкам. – Мне тоже жаль, Котя. Но так уж сложилось. – Анька-то свидетелем выступит, если что? – Выступит, – уверенно сказал я. – Мы, в общем, не разругались, по-интеллигентному разошлись. – Когда интеллигенты расходятся, тут-то самая грызня и начинается... ни один сантехник такого не учудит. – Далась тебе эти сантехники... – пробормотал я. – Наливай лучше... Мы просидели еще часа два. До третьей бутылки, слава Богу, дело не дошло. Но и к концу второй мы развеселились изрядно. Происшествие с квартирой окончательно превратилось в приключение. Котя рассказал историю своего дальнего родственника, путем

хитрых обменов, разводов и схождения превратившего две однокомнатные на противоположных концах Москвы в четырехкомнатную «почти в центре». История почему-то показалась нам очень смешной, мы хохотали в голос, и даже когда Котя сообщил, что в результате перенапряжения сил его родственник схватил инфаркт, его бросила жена и теперь он, как дурак, сидит один в большой квартире, больной и никому не нужный, это нас не огорчило. По этому поводу Котя заметил, что самое главное в жизни человека – исполнить свое предназначение, об этом даже писал великий мыслитель Коэльо. Видимо, предназначение родственника в том и заключалось, чтобы совершить этот грандиозный обмен. А по сравнению с исполненным предназначением и потерянное здоровье, и утраченная жена – мелочи жизни. Потом Котя постелил мне на диване и вернулся к своему недописанному произведению. Я уронил голову на подушку, сообщил, что сна нет ни в одном глазу, и мгновенно уснул под ровное постукивание клавиш.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.